

Христианское чтение. 1897

Выпуск 5

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Х93

Х93 Христианское чтение. 1897: Выпуск 5 / – М.: Книга по Требованию, 2021. –
124 с.

ISBN 978-5-458-00471-8

ISBN 978-5-458-00471-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

того, гдѣ представлялась возможность, они нападали съ толпою нахлынувшихъ въ западную Россію шляхтичей на православныя церкви, разоряли ихъ, ругались надъ русскими святынями, надъ русскими людьми⁵³⁾, нападали на братскія школы православныхъ и разгоняли учениковъ, какъ это было, напримѣръ, въ Кіевѣ, на виду у высшей православной іерархіи⁵⁴⁾; въ иныхъ мѣстахъ они выговорили себѣ у короля право, по которому тамъ, гдѣ были іезуитскія школы, запрещалось имѣть школы православныхъ, и требовали закрытія православныхъ школъ, если онѣ выдвигались православными, какъ противодействие вліянію іезуитской педагогики. При такихъ обширныхъ правахъ и привилегіяхъ, іезуиты и униаты начали открытую пропаганду латинства въ народѣ, пользуясь беспрестанными беспорядками, происходившими въ православной церкви. Они вторгались въ приходы православныхъ и, пользуясь отсутствіемъ священниковъ, совершали всѣ таинства православныхъ и иногда обращали цѣлыя приходы въ латинство. Чѣмъ тверже былъ народъ въ своей вѣрѣ, тѣмъ болѣе усиливались энергія и настойчивость іезуитовъ. Иногда они насильно вторгались въ дома православныхъ съ предложеніемъ своихъ услугъ и даже тщательно наблюдали, гдѣ родятся дѣти, чтобы послѣдить совершать надъ ними крещеніе по латинскому обряду. Въ то же время какъ переселившиеся изъ Польши, такъ и совращенные западно-русскіе дворяне, проникнутые не только іезуитскимъ фанатизмомъ, но и крайнимъ презрѣніемъ къ русскому народу, неистово угнетали православныхъ; съ своей стороны, старосты и обозовые іезуиты позволяли жолнерамъ производить всевозможныя неистовства надъ православнымъ русскимъ народомъ. Отдаваніе жидамъ въ аренду церквей и совершенное стѣсненіе православнаго малорусскаго населенія въ отправленіи богослуженія представляются лишь незначительными фактами въ ряду тѣхъ дѣйствій, какія допускались поляками и іезуитами по отношенію къ православнымъ въ юго-западномъ краѣ Россіи. Православныхъ заставляли отречься отъ своей родной вѣры, отнимали у нихъ церкви и монастыри, отнимали пастырей и архипастырей, отнимали имущество; за вѣру волочили ихъ по судамъ, заключали въ темницы, лишали

⁵³⁾ Памятники Кіевской комиссіи 1635 г. о Луцкой коллегіи, т. I, стр. 204.

⁵⁴⁾ Описаніе Кіево-Софійскаго собора м. Евгенія, стр. 157.

гражданскихъ правъ, доводили до совершеннаго разоренія. Малороссійское казачество подверглось также большимъ стѣсненіямъ отъ польскаго правительства. Число казаковъ было уменьшено до шести тысячъ; вмѣсто гетмановъ и полковниковъ, которыхъ прежде они сами избирали себѣ изъ среды своей, имъ стали давать гетмановъ и полковниковъ отъ короны. И эти нелюбимые начальники не выдавали казакамъ жалованья, гоняли ихъ на черныя работы, посягали на ихъ собственность и вообще обходились съ ними, какъ бы съ своими холопами. Всего же безотраднѣе было положеніе русскихъ крестьянъ, жившихъ въ имѣніяхъ польскихъ пановъ, но принадлежавшихъ къ русской народности и вѣрѣ. Польскіе паны, католики или окатоличившіея русскіе, располагая правомъ жизни и смерти надъ своими крестьянами, обременяли ихъ тяжелыми повинностями и работами, распоряжались по произволу ихъ имуществомъ, вторгались въ ихъ семейный бытъ. Многіе паны, лѣнясь управлять своими имѣніями, отдавали ихъ въ аренду жидамъ, а вмѣстѣ съ имѣніями отдавали въ аренду самихъ крестьянъ и самыя ихъ церкви, и жида издѣвались надъ несчастными крестьянами и ихъ вѣрою, какъ хотѣли; ключи отъ церквей держали у себя и брали съ православныхъ пошрины за всякое богослуженіе и требоисправленіе. Жалобы на обиды раздавались на всемъ протяженіи юго-западнаго края Россіи. Всѣ эти и подобныя, унижающія народъ и страну, фанатическія явленія возмутили, наконецъ, православныхъ и заставили ихъ поднять руку для защиты самихъ себя. Притѣсненія и жестокости поляковъ, іезуитовъ и униатовъ вызвали со стороны православныхъ цѣлый рядъ возстаній, извѣстныхъ въ исторіи подъ именемъ «казацкихъ возстаній». На возстанія казаковъ Польша отвѣчала еще большими насиліями и жестокостями. Подъ тяжестью всѣхъ этихъ тяжелыхъ мѣръ, казалось, истощились всѣ лучшія силы Малороссіи и безвозвратно исчезла вся ея надежда на освобожденіе при помощи казачества отъ тяжелой власти Польши. Но поляки ошиблись въ своихъ расчетахъ. Малороссійская земля таила въ себѣ великую силу, которая страшной грозой неожиданно разразилась надъ головою Польши. Незамѣтно, какъ бы случайно, всталъ одинъ человѣкъ малороссійскій, который вдругъ поднялъ духъ оробѣвшихъ казаковъ, сразу поправилъ погибавшее народное дѣло Малороссіи и поколебалъ самыя основы польскаго госу-

царства. Это былъ знаменитый гетманъ малороссійскій Богданъ Хмѣльницкій. Подъ его предводительствомъ, въ половинѣ XVII вѣка, еще разъ возстало малороссійское казачество противъ Польши. Никакія усилія поляковъ теперь не могли подавить «казацкаго возстанія» и на этотъ разъ Малороссія совершенно отложила отъ Польши. Освободивши родную страну отъ ненавистнаго польскаго ига, гетманъ Богданъ Хмѣльницкій добровольно отдался подъ власть единовѣрнаго московскаго царя. Въ 1654 году (8 января) составилась въ Переяславлѣ всенародная рада, на которой въ присутствіи московскихъ пословъ послѣдовало торжественное присоединеніе Малой Россіи къ великому Московскому государству.

Съ подчиненіемъ Малороссіи Москвѣ не только не прекратились, но еще болѣе усилились волненія и смуты въ малороссійской странѣ. Новая политическая зависимость должна была принести съ собою и новый строй политической жизни Малороссіи. Но этотъ порядокъ жизни, сообразный съ новымъ подчиненіемъ, установился не вдругъ; для проведенія московскихъ началъ въ жизнь малороссійскаго народа потребовалось очень много времени. Нѣкоторымъ изъ представителей Малороссіи, какъ будто, жалко было разстаться съ старыми формами жизни, введенными польскимъ государствомъ. Время отъ времени они увлекали казаковъ и поднимали возстанія противъ, Москвы съ цѣлью воротить Малороссію опять къ полякамъ. Послѣ Богдана Хмѣльницкаго (ум. 15 августа 1657 г.) почти каждый новый гетманъ считалъ какъ бы своимъ долгомъ отложиться отъ Москвы и произвести возстаніе. Таковъ былъ гетманъ Иванъ Выговскій (1657—1659 г.), сынъ Хмѣльницкаго — Юрій (1659—1660 г.), а потомъ Иванъ Брюковецкій (1663—1668 г.) Малороссія испытывала въ это время то же, что испытываетъ каждый народъ при новыхъ перемѣнахъ въ своей политической жизни. Главное, что особенно замѣчалось въ общественной жизни малороссійскаго народа въ то время, — это отсутствіе единства, разнородность общихъ интересовъ, борьба различныхъ партій и недостатокъ прочнаго гражданскаго устройства, котораго не могло обезпечить, по своей слабости, и новое московское правительство. Когда Малороссія находилась подъ властью Польши, всѣмъ чувствовалось одинаково тяжело, всѣ были воодушевлены однимъ желаніемъ и цѣлью — освободиться отъ польскаго гнета. За той общей цѣлью скрывались пока частные интересы и цѣли. Послѣ сверженія

же польскаго ига всѣ частныя интересы и стремленія обнаружились ясно. Всякій сталъ заботиться болѣе о себѣ, и каждому хотѣлось при новомъ политическомъ положеніи захватить болѣе или менѣе выгодное мѣсто. Уже одно гетманство и другія видныя должности, сосредоточенныя вокругъ него, которыя прежде были тяжелыми, теперь, по освобожденіи отъ Польши, сдѣлались предметомъ соискательства для честолюбцевъ. Появились интриги и борьба партій, безъ которыхъ не обходилось ни одно избраніе гетмана. Вскорѣ послѣ присоединенія къ Москвѣ эти интриги и борьба партій раздѣлили Малороссію на двѣ половины: восточную (по лѣвую сторону р. Днѣпра) и западную (по правую сторону). Правобережная Малороссія и теперь тянула больше къ Польшѣ; въ ней теперь находился враждебный къ Москвѣ, неудовлетворенный ея правительствомъ, искатель гетманства — Петръ Дорошенко (сдѣлавшійся гетманомъ западной Малороссіи въ 1665 году). Такихъ искателей гетманской власти впослѣдствіи являлось по-нѣскольку разомъ; всѣ они иногда обращались за помощью къ иноземной власти и приводили съ собою поляковъ, турокъ и татаръ, которые грабили и истощали и безъ того уже истощенную Малороссію. Въ лѣвобережной Малороссіи, вѣрной Москвѣ, соискательство гетманства, послѣ бурнаго выбора Брюховецкаго въ 1663 г., прекратилось. Но здѣсь шла теперь борьба другого рода, борьба между высшимъ и низшимъ слоємъ народа, между народнымъ большинствомъ и казацкой старшиной. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи было дѣломъ народнаго большинства, и оно никогда не имѣло причинъ раскаяваться въ этомъ. Народная масса желала скорѣе войти въ колею обще-русской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ. Она хотѣла видѣть у себя одинаковое съ Москвою воеводское управленіе и, какъ ни тяжело было это управленіе, все-таки считала его болѣе желательнымъ и сноснымъ, чѣмъ грубая власть казацкихъ старшинъ. Меньшинство же — казацкая старшина, напротивъ, видѣла въ воеводскомъ управленіи поправленіе своихъ правъ. Съ паденіемъ польскаго господства казацкіе старшины стремились сдѣлаться для народа тѣмъ же, чѣмъ были для него до сихъ поръ польскіе магнаты и паны, и всѣми мѣрами старались освободиться отъ надзора со стороны новой государственной власти. Усиленіе этого надзора всегда заставляло ихъ жаловаться на стѣсненіе своихъ правъ и вольностей.

Не свободно было тогда отъ духа партій и духовенство Малороссіи. Низшее и бѣлое духовенство тянуло къ Москвѣ, требовало отъ нея правъ и вольностей, прося ограничить власть высшаго малороссійскаго духовенства властью московскаго патріарха, который былъ ближе къ нимъ, чѣмъ константинопольскій патріархъ, и, слѣдовательно, скорѣе могъ бы слышать ихъ жалобы. Высшее же малороссійское духовенство въ подчиненіи московскому патріарху видѣло нарушеніе своихъ правъ и вольностей такъ же, какъ и свѣтская власть въ воеводскомъ управленіи; а потому оно не сочувствовало московскому правительству, предпочитая иновѣрное польское или турецкое (напримѣръ, кievскій митрополитъ Діонисій Балабанъ, не хотѣвшій быть подъ благословіемъ московскаго патріарха). Къ этому еще присоединялось сознаніе большей сравнительно образованности, вслѣдствіе котораго высшее малороссійское духовенство ставило себя выше московскаго патріарха и считало, быть можетъ, унижительнымъ для себя повиноваться ему. Представители всѣхъ этихъ правъ и вольностей постоянно ѣздили въ Москву, клеветали другъ на друга, чернили, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ и недоброжелательствѣ государю. Никто здѣсь не зналъ, кто вѣренъ, кто нѣтъ,—никто не могъ придумать, какъ и чѣмъ успокоить волнующуюся Малороссію. Вѣроломство и клятвopеступничество достигли широкихъ размѣровъ: ни на кого нельзя было положиться. Скоро въ Москвѣ составилось понятіе о Малороссіи, какъ странѣ измѣнъ, въ которую нужно входить не иначе, какъ съ величайшею осторожностью, о чемъ твердили чуть не каждому москвичу сами же малороссы⁵⁵). Не было ничего прочнаго и постояннаго среди такой борьбы партій. Сама гетманская власть при этомъ часто находилась въ колебательномъ состояніи и не знала, куда ей склониться, за чьи интересы стоять и бороться...

При такомъ беспорядочномъ состояніи Малороссіи, естественно, и въ церковномъ управленіи ея происходили непорядки. Въ 1657 году умеръ кievскій митрополитъ Силвестръ Коссовъ. Мѣстоблжстителемъ митрополичьей каеэдры назначенъ былъ Лазарь Барановичъ, только что передъ тѣмъ, по избранію митрополита и гетмана, посвященный изъ ректоровъ Кіево-Братской коллегіи въ епископа черниговской епар-

⁵⁵) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XII, стр. 17.

хл. Подъ его наблюденіемъ долженъ былъ быть избранъ преемникъ митроп. Сильвестру. Въ концѣ того же года на митрополичью кафедру былъ избранъ луцкій епископъ Діонисій Балабанъ, котораго призналъ въ званіи митрополита и Алексѣй Михайловичъ. Но Діонисій ни въ какомъ случаѣ не хотѣлъ принять утвержденіе отъ московскаго патріарха и вообще не былъ расположенъ къ московскому правительству. Вслѣдствіе этого онъ не могъ долго оставаться на митрополичьемъ престолѣ и въ іюлѣ 1658 года выѣхалъ изъ Кіева въ Чигиринъ, къ гетману Выговскому, и уже болѣе не возвращался въ Кіевъ. Кіевская митрополія опять поступила въ вѣдѣніе Лазаря Барановича (съ 1659 до 1661 года), а потомъ Меодія, еп. мстиславскаго и оршанскаго (съ 1661 г. до 1667 г.). Отсутствие постояннаго митрополита, частыя перемѣны въ мѣстоблюстительствѣ, соперничества искателей званія митрополита, одновременное появленіе нѣсколькихъ митрополитовъ, — все это весьма неблагоприятно отражалось на состояніи митрополіи. Кіевская митрополія и безъ того никакъ не могла оправиться послѣ опустошенія, произведеннаго въ ней поляками. Многие кіевскіе монастыри и церкви, сожженные и разрушенные въ началѣ пятидесятихъ годовъ, во время нашествія литовскаго гетмана Радзивила, и до сихъ поръ находились въ запустѣніи. Нужно было много заботъ и энергіи для возобновленія ихъ изъ развалинъ и для приведенія въ надлежащее состояніе. Такимъ образомъ, для людей, стремящихся къ скромной и незамѣтной для глазъ міра дѣятельности, открывалось широкое невоздѣланное поле внутри стѣнъ полуразрушенныхъ монастырей. На этомъ скромномъ поприщѣ почти всю свою жизнь трудился святи-тель Θεодосій Углицкій, снискавшій себѣ славу свою «опытностью въ управленіи пречестными монастырями», по словамъ патріарха Адріана ⁵⁶).

Такими мрачными красками изображено въ исторіи состояніе Малороссіи въ то время, когда св. Θεодосій Углицкій, получившій образованіе въ Кіево-Братской коллегіи и принявшій монашеское званіе, долженъ былъ начать свою скромную дѣятельность на пользу родной страны. Казалось бы, что въ

⁵⁶) Грамота патріарха Адріана, утверждающая Θεодосія Углицкаго въ званіи архіепископа черниговскаго; оригиналъ хранится въ библиотекѣ черниговскаго Троицко-Архіерейскаго дома за № 8. Копія ея напечатана въ «Архивѣ юго-западной Россіи», ч. I, т. 5, стр. 395—403.

такое время, когда православіе въ Малороссіи подвергалось гоненію, когда народъ страдалъ подъ тяжелымъ гнетомъ поляковъ и уніатовъ, и когда всѣ основы политической, общественной и религіозно-нравственной жизни малороссійскаго края были разшатаны и требовали обновленія, — св. Ѳеодосій Углицкій, какъ патріотъ и какъ человѣкъ образованный и энергичный, долженъ былъ принять самое горячее участіе въ судьбахъ родной страны; казалось бы, что самое время и жизнь должны были выработать изъ него замѣтнаго дѣятеля XVII-го вѣка. Между тѣмъ, ни исторія, ни предки наши ничего не говорятъ намъ о видной общественной дѣятельности святителя. Вѣроятно, самый духъ времени, различныя смуты, волненія, коварства и измѣны, наполнявшія Малороссію, заставляли св. Ѳеодосія укрываться отъ глазъ міра; вѣроятно, его личный характеръ, смиреніе и скромность и его ясное сознаніе ничтожества славы міра побуждали его уклоняться отъ видной общественной дѣятельности и влекли къ скромному труду въ монастыряхъ. Выдающимся общественнымъ дѣятелемъ св. Ѳеодосій Углицкій не былъ, но въ дѣлахъ церкви и въ вопросахъ вѣры онъ, несомнѣнно, принималъ не малое участіе. Исторія и сохранившіеся документы, къ сожалѣнію весьма немногочисленные, даютъ намъ положительныя указанія относительно этого. Они же знакомятъ насъ и съ нѣкоторыми печальными случаями, которые пришлось вынести и испытать святителю во время своей жизни. Для насъ теперь, послѣ ознакомленія съ характеромъ и духомъ XVII-го вѣка и состояніемъ Малороссіи, не покажутся странными и непонятными ни тѣ обвиненія святителя въ измѣнѣ православію и русскому государю, ни тѣ упреки и сѣтованія на его слишкомъ ревностную дѣятельность по управленію монастырями, ни тѣ, наконецъ, жалобы на него нѣкоторыхъ лицъ и выговоръ патріарха, какія время удѣлило на земную долю св. Ѳеодосія Углицкаго.

Гдѣ и какъ началъ свое служеніе св. Ѳеодосій Углицкій, по окончаніи своего образованія, — по этому вопросу до настоящаго времени не установлено положительнаго мнѣнія. Старыя и новыя, появившіяся теперь, біографіи святителя сильно разногласятъ между собою. Одни біографы говорятъ, что св. Ѳеодосій, по окончаніи образованія, скоро еще принялъ монашество, а сразу поступилъ въ военную службу и дослужился тамъ до чина сотника стародубскаго полка. Другіе, ссылаясь на документы, утверждаютъ, что Ѳеодосій Углицкій

началъ свое служеніе съ архидіаконства въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Наконецъ, нѣкоторые отрицають это и предполагають, что святитель, завершивъ свое образованіе, непосредственно поступилъ іеромонахомъ въ Крупицкій монастырь. Весьма трудно разобраться въ этомъ рядѣ различныхъ мнѣній. Былъ ли, въ самомъ дѣлѣ, св. Θεодосій въ военной службѣ? Откуда могла возникнуть подобная мысль? Авторъ одной кратенькой біографіи «Θеодосія, архіепископа черниговскаго», помѣщенной въ «Домашней Бесѣдѣ» за пятидесятыя годы, между прочимъ говоритъ: «есть преданіе, что Θεодосій Углицкій былъ сначала въ военной службѣ и имѣлъ чинъ сотника стародубскаго полка»⁵⁷⁾. Никакой аргументаціи авторъ для подтвержденія этого свѣдѣнія не дѣлаетъ, а приводитъ его, какъ традиціонное преданіе. Другой же авторъ небольшой замѣтки «о святителѣ Θεодосіи Углицкомъ», нѣкто Димитрій Бѣлецкій, пытается обосновать это преданіе и дополняетъ его нѣкоторыми подробностями. «Въ смутное время, — пишетъ Бѣлецкій, — когда Малороссія была подъ игомъ Польши, многія изъ малоросскихъ почетныхъ фамилій, оставивъ родной свой край, одни перешли въ Россію, а другія удалились въ польскія владѣнія. Полоницкіе въ это время жили въ разныхъ мѣстахъ черниговскаго, стародубскаго и новгородсѣверскаго полковъ (уѣздовъ). И изъ нихъ Евстаеій Полоницкій, съ роднымъ своимъ братомъ Θεодосіемъ, переселился за Днѣпръ, въ конный полкъ, въ которомъ онъ служилъ полковымъ писаремъ и получилъ отъ короля Казиміра, 30 марта 1663 года, привилегію на коронное шляхетство (дворянство). Вскорѣ, по полученіи этой привилегіи, Евстаеій Полоницкій умеръ, оставивъ въ малолѣтствѣ сына своего Василія. Этому сироту принялъ на воспитаніе родной дядя его, Θεодосій Углицкій, который, по водвореніи въ Малороссіи тишины, вышедши съ нимъ изъ Польши, жилъ въ предковскомъ своемъ имѣніи, стародубскаго уѣзда, въ с. Семешковѣ. Черезъ нѣсколько времени Θεодосій поступилъ въ монашеское званіе и былъ сначала въ Крупицкомъ монастырѣ іеромонахомъ, потомъ въ кіевскомъ Выдубицкомъ игуменомъ, послѣ того — въ черниговскомъ Елецкомъ архимандритомъ и, наконецъ, принялъ санъ черниговскаго архіепископа»⁵⁸⁾. Можно ли довѣрять этимъ, повидимому, неопро-

⁵⁷⁾ «Домашняя Бесѣда» 1859 г., № 41, стр. 387.

⁵⁸⁾ «Странникъ» 1861 г. Декабрьстр. 197.

вержимымъ сообщеніямъ? Хотя Д. Бѣлецкій называетъ эти свѣдѣнія «извлеченными изъ дѣла черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія о дворянствѣ рода Хорошкевичей» и хочетъ придать имъ вѣсь документальной истины, но, при тщательномъ обсужденіи ихъ, въ нихъ оказывается мало правды. Сообщение это настолько фантастично, что, при сопоставленіи съ другими несомнѣнными данными, оно лишается даже всякой вѣроятности. Авторъ сообщенія кладетъ въ основу одинъ документъ (дѣло черниговскаго дворянскаго собранія о родѣ Хорошкевичей), но такъ перетолковываетъ его и добавляетъ такую массу своихъ вольныхъ соображеній, что трудно отыскать въ этомъ балластѣ самое зерно документальной истины. Къ счастью, намъ извѣстенъ текстъ дѣла дворянскаго собранія о дворянствѣ рода Хорошкевичей, по крайней мѣрѣ — главной части этого документа, приведенной у преосвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго. «Василій Полоницкій, — говорится въ документѣ, — находился на воспитаніи у родного своего дяди Ѧеодосія Углицкаго, который, вышедши съ нимъ, Василюмъ Полоницкимъ, изъ Польши, былъ первѣе въ крупницкомъ батуринскомъ монастырѣ»... ⁵⁹⁾ Этотъ коротенькій отрывокъ изъ документа у Бѣлецкаго превратился чуть-ли не въ длинный рассказъ о военной службѣ Ѧеодосія Углицкаго, рассказъ, исполненный противорѣчій и невѣроятностей. У него Евстаеій Полоницкій называется роднымъ братомъ Ѧеодосія Углицкаго (на основаніи только того, что въ документѣ Ѧеодосій Углицкій поименованъ роднымъ дядей Василя Полоницкаго, сына Евстаеія Полоницкаго) и Василій Полоницкій приходится Ѧеодосію Углицкому племянникомъ по брату; между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, Евстаеій Полоницкій былъ зятемъ святителя и сынъ Евстаея, Василій, приходился св. Ѧеодосію племянникомъ по матери своей (Магдалиѣ), бывшей родной сестрой святителя ⁶⁰⁾. На основаніи словъ документа «вышедши изъ Польши», Бѣлецкимъ дѣлается предположеніе о службѣ Ѧеодосія Углицкаго въ конномъ полку въ Польшѣ, хотя, въ сущности, это выраженіе вовсе не указываетъ на военную службу св. Ѧеодосія, а говоритъ только о его происхожденіи изъ Польши, т. е. изъ за-днѣпровской части Малороссіи, находившейся тогда подъ

⁵⁹⁾ «Историко-статистич. описан. черниговской епархіи» Филарета арх. черниговскаго, кн. 1, стр. 49—50.

⁶⁰⁾ См. «Христіанское Чтеніе», кн. IV, стр. 525—525.

властью Польши ⁶¹⁾. Обратимъ вниманіе еще на одну несообразность, замѣчаемую въ сообщеніи Бѣлецкаго. Евстаеій Полоницкій, служа вмѣстѣ съ Θεодосіемъ въ военной службѣ, получилъ отъ короля Казимира, *30 марта 1663 года*, привилегію на коронное шляхетство. *Проходитъ нѣсколько времени* послѣ этого года и—Евстаеій умираетъ, оставивъ сына Василя на воспитаніи у Θεодосія Углицкаго. *Послѣдній еще служитъ* въ конномъ полку нѣкоторое время и, только по водвореніи тишины въ Малороссіи, выходитъ изъ Польши и поселяется въ селѣ Семешковѣ стародубскаго уѣзда. *Проходитъ еще нѣсколько времени* военной службы св. Θεодосія въ званіи сотника стародубскаго полка и, сдѣлавъ прекрасную свѣтскую карьеру, тогда только онъ принимаетъ монашеское званіе... Большой способности фантазировать мы не отнимаемъ у автора сообщенія, но за справедливость его едва ли поручится и самъ авторъ. Чѣмъ онъ объяснитъ то, что св. Θεодосій Углицкій *еще въ 1662 году*, какъ видно изъ черниговской лѣтописи, служилъ не въ военной службѣ, а былъ игуменомъ Корсунскаго монастыря, прослуживъ уже нѣсколько лѣтъ іеромонахомъ въ Крупицкомъ монастырѣ?!. ⁶²⁾ Притомъ же, преосвященный Филаретъ, архіепископъ черниговскій, заботливо обследовавшій нѣкоторые документы, касающіеся жизни святителя Θεодосія, и написавшій краткій очеркъ его жизни, относительно преданія о военной службѣ его и стародубскомъ сотничествѣ прямо говоритъ: «преданія такого нѣтъ, а есть мнѣніе, образовавшееся изъ невѣрнаго пониманія словъ одной бумаги» ⁶³⁾, т. е. продажной записи, въ которой говорится о продажѣ архіеп. Θεодосіемъ стародубскому писарю мельницы, подаренной бывшимъ семешковскимъ священникомъ Никифоромъ ⁶⁴⁾. При серьезномъ отношеніи къ тексту этой записи можно убѣдиться, что семешковское имѣніе было подарено не лично св. Θεодосію, когда онъ, какъ предполагаютъ, былъ сотникомъ стародубскимъ, а черниговской архіепископской каедрѣ, когда на ней возсѣдалъ Θεодосій Углицкій; притомъ же святитель про-

⁶¹⁾ «Историко-статист. опис. черниг. епархіи» Филарета арх. черниг., кн. I, стр. 49—50; «Христ. Чтеніе», кн. IV, стр. 525.

⁶²⁾ «Южно-русскія лѣтописи», изд. Н. Вѣлозерскимъ, т. I, стр. 29.

⁶³⁾ «Историко-статист. описаніе черниг. епархіи» Филарета арх. черниг., кн. I, стр. 50—51.

⁶⁴⁾ Въ своемъ мѣстѣ мы приводили текстъ этой продажной записи см. «Христ. Чтеніе», кн. IV, стр. 522.